

Е. В. Антонова

К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИКИ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК ПЕРВОБЫТНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

(На материале анауской культуры)

Антропоморфные изображения, находимые на всей территории древнеземледельческой ойкумены и относящиеся к разным этапам развития первобытной культуры, давно привлекают внимание исследователей как материал, позволяющий проникнуть в малодоступные области духовной культуры. Ушло в прошлое понимание женских статуэток, всех в целом, как изображений богини-матери; сейчас это лишь чисто условное их наименование¹, напоминающее о предшествующих этапах их исследований. Археологи, которые в основном и занимаются этой группой памятников, считают их изображениями божеств земли, растений, воды, покровителей деторождения и всяческого изобилия. Общий и неопределенный характер таких интерпретаций является следствием неполноты как самих комплексов статуэток, так и сведений об элементах мировоззрения носителей конкретных археологических культур. Опыт показывает, что исследования такого рода могут быть успешными только при наличии достаточно информативного материала, происходящего из хорошо (в археологическом смысле) изученной культуры при условии привлечения сведений о религии территориально более или менее близких цивилизаций древности и данных этнографии. Но на первом месте, разумеется, должен стоять хорошо изученный материал конкретной культуры.

Большие возможности для изучения семантики антропоморфных статуэток существуют в отношении обширной их коллекции, обнаруженной в памятниках одной из древнейших земледельческих культур на территории СССР — анауской в Южной Туркмении. Благодаря многолетним усилиям археологов она, несомненно, принадлежит к числу наиболее изученных из всех ныне известных культур первобытных земледельцев Старого Света. Существовая на протяжении V—II тыс. до н. э., она сохраняла преемственность развития от периода раннего энеолита до поздней бронзы (эпохи Намазга I—VI). Изменения форм статуэток на фоне развития всей культуры, реконструируемого общественного строя создавших ее людей позволяют наметить некоторые существенные моменты в истории этой характерной категории памятников первобытных земледельцев, причем те, которые пока невозможно проследить ни в одной из известных культур. Поэтому изучение анауских статуэток имеет значение, далеко выходящее за пределы проблематики истории развития мелкой скульптуры лишь одной, притом окраинной культуры древнеземледельческой ойкумены.

¹ Ucko P. J. The Interpretation of Prehistoric Anthropomorphic Figurines // JRAI. 1962. 92.

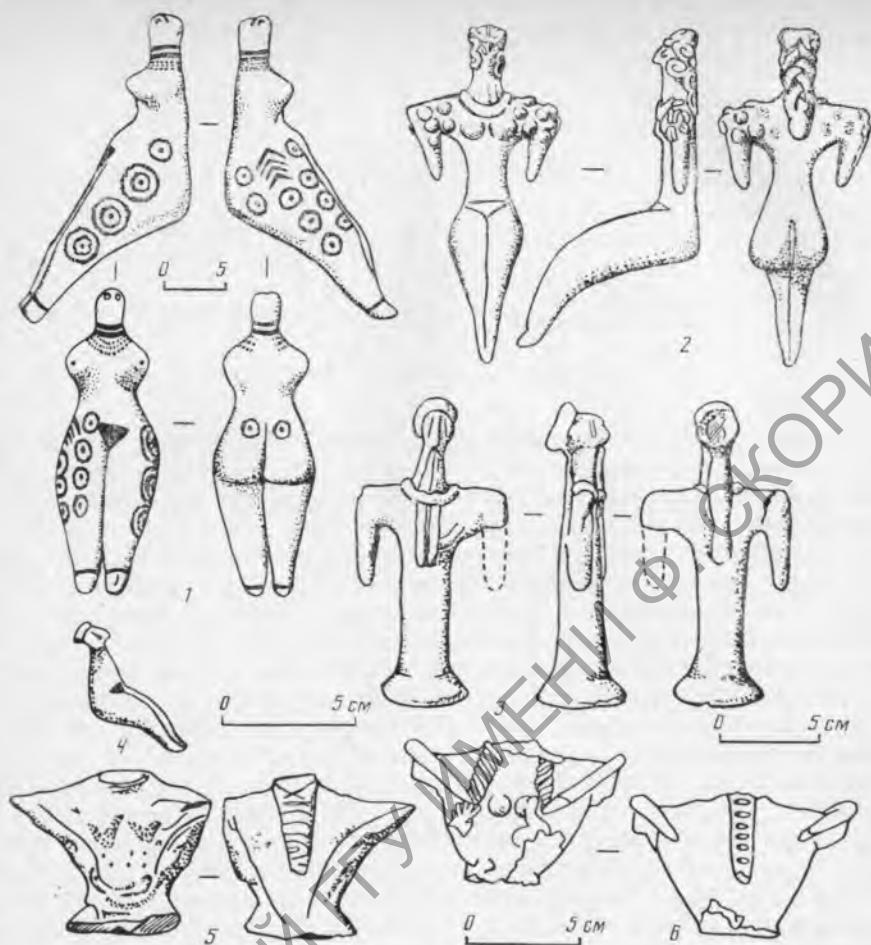

Рис. 1. Статуэтки времени Намазга II (1), Намазга III (2—4), Намазга IV (5—6)

Анауские статуэтки достаточно хорошо известны по многочисленным публикациям², поэтому здесь мы будем описывать их лишь в той мере, в какой это соответствует поставленной задаче — изучению их семантики и ее трансформации в процессе развития культуры. Мы не будем останавливаться на единичных экземплярах статуэток периода раннего энеолита (Намазга I — вторая половина V тыс. до н. э.), но сразу обратимся к достаточно многочисленным и информативным образцам периода развитого энеолита (Намазга II, первая половина IV тыс. до н. э.) (рис. 1).

Наибольшее число статуэток обнаружено при раскопках поселений так называемого Геоксюрского оазиса. Это небольшие (самые крупные — до 30 см) глиняные фигурки сидящих, реже — стоящих женщин. Статуэтки отмечены некоторым схематизмом, усиливающим ощущение массивной монументальности женской фигуры. На шее и груди краской нарисованы ожерелья, на ногах браслеты. Особый интерес представляют

² Библиографию см.: Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973; Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.

изображения на бедрах и верхней части ног некоторых статуэток — вертикальные ряды углообразных линий, круги с точками посередине, рогатый козел или коза. У одной полностью сохранившейся крупной статуэтки на бедрах и ногах помимо углообразных линий изображено 15 кругов с точками посередине ³ (рис. 1).

Для целей настоящего исследования существенно представить количество статуэток, существовавших на одном поселении, и выявить их местонахождение. На одном из наиболее изученных поселений этого периода, Ялангач-депе, найдено 35 экземпляров немногих разновидностей, почти исключительно фрагментов. Они обнаружены при раскопках построек двух строительных горизонтов и частично на поверхности. В I горизонте раскопано 14 помещений разного назначения, жилых и хозяйственных, во II — 20 помещений ⁴. И. Н. Хлопин, обративший особое внимание на условия обнаружения статуэток, отмечает, что большинство их происходит из заполнявшей помещения земли, т. е. они найдены в перемещенном еще в древности состоянии. Несмотря на это, их связь с домами представляется безусловной. Число статуэток позволяет предполагать, что они находились в разных домах. Кроме того, фрагменты статуэток найдены при разборке бытовых очагов в помещениях 16 и 19 II строительного горизонта. И. Н. Хлопин полагает, что они были специально заложены в основания очагов; в одном случае вместе с таким фрагментом лежало два костяных предмета — пило и лоцило ⁵, вероятно орудия женского производства.

Большинство построек этого времени почти не имеет выраженных признаков, позволяющих видеть в них центры общественной жизни и культуры; не ясно также, какие места в жилых домах предназначались для статуэток. В этом смысле исключениями являются большой дом на Ялангач-депе (площадью около 37 м²) и несколько подобных ему на других поселениях оазиса. Первый представляет особый интерес, так как на одной из его стен обнаружен глиняный налеп в виде перевернутой буквы «Ш» высотой около 20 см (самая верхняя часть его разрушена). На поверхность налета нанесено 14 конических углублений. И. Н. Хлопин отметил сходство формы этого налета со схематичным изображением человеческой фигурки на несколько более позднем пряслице с Геоксюра I и с рисунками человеческих фигур на сосудах эпохи Намазга II ⁶. Доказательством в пользу того, что налеп на стене антропоморфен (по его же, вероятно, справедливому мнению), служит совпадение числа углублений на нем с числом рисованных кругов на упоминавшейся статуэтке из этого же поселения. Таким образом, вероятно, в общественном здании находилось условное изображение женщины. Пока нет веских оснований видеть в кругах с точками солярные знаки ⁷ (их сходство с распространенным как в древности, так и в новое время условным изображением солнца не может служить безусловным доказательством). В то же время представлял интерес сходство этого знака с очертаниями верхнего основания небольшого переносного «жертвенника» из того же Ялангач-депе. Он имеет вид цилиндра с вогнутой стенкой, в верхнем его основании есть круглое углубление, окруженное бортиком ⁸. Это явно обрядовый пред-

³ Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Л., 1964. С. 107.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 161—162.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 164.

мет, возможно, имеющий какое-то отношение к образу женского существа.

Результаты изучения небольших поселений, существовавших в это время, позволяют заключить, что их обитатели изготавливали однообразные (в пределах отдельных поселений) статуэтки. Так, на Ялангач-депе явно доминировал тип, представленный фигуркой сидящей женщины с нарисованными кругами. Это однообразие свидетельствует о принадлежности их небольшим коллективам, члены которых следовали одной общей традиции.

Статуэтки периода Намазга III, позднего энеолита (вторая половина IV тыс. до н. э.), становятся гораздо более многочисленными и разнообразными, но однотипными в пределах одного поселения или группы близлежащих поселений (в Геокюрском оазисе они продолжают сохранять чрезвычайно большое формальное сходство). Вероятно, как показывают находки от Кара-депе на западе до Алтын-депе и Йилгылы-депе на востоке, на всей территории анауской культуры бытуют два основных типа женских и мужских статуэток, один из которых выступает как типологически более ранний⁹. Статуэтки изображали, как правило, сидящих, реже — стоящих людей (рис. 1, 2—4). Первая разновидность характеризуется более массивными формами, округлыми плечами; статуэтки второго вида отличаются некоторым изяществом: их талии тонки, плечи подчеркнута широки, плавно очерчена линия бедер. Именно у статуэток второй разновидности обнаруживаются черты, связанные с дальнейшим развитием пластики в эпоху бронзы: налепные детали (прически, круглые «лепешечки» и полосы на плечах), тенденция к некоторой уплощенности, стоячая (у некоторых) поза. Рисованные детали представлены у статуэток первой разновидности; среди них — фигуры козлов и какого-то животного семейства кошачьих, встречающиеся на женских фигурках.

Семантику статуэток в ряде случаев помогают раскрыть некоторые их особенности. Так, одна из них изображает женщину с ребенком на груди, другая — женщину с множеством грудей. Многие фигурки второй разновидности имеют крупные налепы на плечах, значение которых не вполне ясно, однако существование многогрудой статуэтки дает повод предположить, что эти налепы могли быть условным изображением грудей. Вместе с тем известны мужские статуэтки (такие признаки, как бороды, шлемы и т. д., ясно указывают их пол), которые также имеют налепы. Видимо, налепы указывают вообще на причастность персонажей к сфере изобилия, свойство как женских, так и мужских персонажей¹⁰.

В эпоху Намазга III появляется новый тип статуэток, существующий потом вплоть до эпохи поздней бронзы (рис. 1, 4). Это небольшие фигурки в сидящей позе, лишенные рук и часто признаков пола; лишь некоторые из них изображают женщин. Маленькие головки со схематичными чертами лица в отличие от голов статуэток других типов не имеют ртов. До сих пор остается неясным, кого они изображали. Можно предполагать, что их размеры и схематизм связаны с назначением — в отличие от круп-

⁹ Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Археология СССР. САИ Б 3—8. М., 1965. С. 32 сл.; Антонова. Ук. соч. С. 70 сл.

¹⁰ Ряд признаков фигурок — их пропорции, налепы, шлемы, прически — свидетельствует о существовании связей между носителями анауской культуры и обитателями Двуречья и Юго-Западного Ирана. См. Массон В. М. Восточные параллели убейдской культуры // КСИА. 1962. 91; Хлопик И. Н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана (По материалам ЮТАКЭ 1956—1957 гг.) // СЭ. 1960. № 5; Сарияниди. Ук. соч. С. 38; Антонова. Ук. соч. с. 73.

ных их могли носить при себе, но не подвешивая (так как они не имеют отверстий) в каких-то специальных вместилищах, например мешочках. Не исключено также, что это фигурки детей: на это указывают относительно неразвитые формы их тела, размер, отсутствие признаков пола.

Большинство статуэток этого времени найдено на поверхности поселений (где они оказались в результате развеивания культурного слоя), в культурном слое, в том числе в слоях мусора, некоторые — в заполнении помещений. В многокомнатных домах выявлены комнаты особого назначения с круглыми очагами; их трактуют как домашние святилища¹¹, однако здесь, насколько можно судить по публикациям, статуэтки не найдены. Очень схематичная каменная фигурка была в погребении девушки или молодой женщины на Кара-депе (слой Кара ІВ, погребение 15). Она лежала сбоку от костяка в кучке из 6 камешков и 11 гипсовых поделок неизвестного назначения¹². Одна статуэтка найдена в коллективном погребении на поселении Геоксюр І¹³.

Итак, статуэтки этого времени предстают в основном вырванными из своего первоначального контекста. Тем не менее есть свидетельства обращения с ними как с обрядовыми предметами. На Кара-депе найдено несколько черепков сосудов с ясными изображениями сидящих человеческих фигурок с характерными широкими плечами и опущенными вниз короткими руками (рис. 2, 2—3). В двух случаях перед ними нарисованы люди; на сосуде из Алтын-депе (рис. 2, 5) человек имеет вид схематичной столбообразной фигурки с поднятыми вверх руками¹⁴. Статуэтки нарисованы и на пряслице этого времени, найденном на Алтын-депе (рис. 2, 1)¹⁵. Здесь две фигурки сочетаются с изображениями сложного креста — знака, известного и на женских статуэтках периода развитой бронзы (см. ниже). Примечательно, что на пряслицах этого времени встречаются те же фигуры, что на статуэтках: полоски, зигзаги¹⁶. Эти переклички представляются симптоматичными, предполагающими связь женских персонажей с прядением — женским занятием, на что указывают находки пряслиц в их погребениях.

Схематичные изображения людей с поднятыми руками на сосудах проливают некоторый свет на довольно значительную группу схематичных фигурок, часто из необожженной глины. Они имеют цилиндроконическое основание, в верхней части слегка выделенную голову и короткие руки, имеющие разные положения. Особенно многочисленны они в слоях

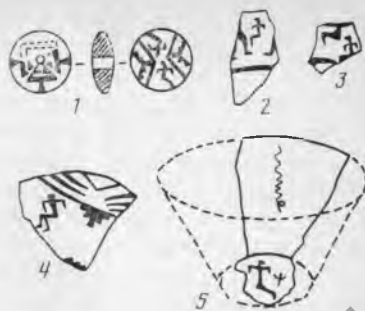

Рис. 2. Изображения статуэток на пряслице (1) и сосудах (2—5) эпохи Намазга ІІІ

¹¹ Сарияниди В. Д. Культурные здания поселений анауской культуры // СА. 1962. № 1.

¹² Массон В. М. Кара-депе у Артыка // ТЮТАКЭ. 1961. Т. X. С. 330. Табл. XVI, 13.

¹³ Устное сообщение В. М. Сарияниди.

¹⁴ Массон. Кара-депе. . . Табл. XIV.

¹⁵ Курбансахатов К. Антропоморфные изображения на пряслице энеолитического времени из Южного Туркменистана // СА. 1981. № 2.

¹⁶ Сарияниди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. 1961. X. Табл. XIII.

эпохи бронзы, но известны и в энеолите¹⁷. Их значение неясно, хотя антропоморфный облик несомненен. Не исключено, что они, как и изображения на сосудах, передавали фигуры людей, обращающихся к своим сверхъестественным помощникам. Они изготавливались в ходе обрядов, по их случаю, чем объясняется небрежность исполнения, и должны были служить напоминанием неким силам об обращении к ним. Такое предположение тем более вероятно, что статуэтки и скульптура адорантов широко распространены в Двуречье и Юго-Западном Иране, как и на всем древнем Востоке.

Статуэтки времени ранней бронзы (Намазга IV, 3000—2600 гг. до н. э.) известны пока недостаточно полно, что связано с относительно малой исследованностью соответствующих слоев поселений, но и имеющийся материал дает весьма информативные образцы (рис. 1, 5—6). Продолжаются прежние традиции, но появляются и новые черты; формируются новые типы. Должна быть отмечена статуэтка беременной женщины, изображения мужчин в стоячей позе и эротическом состоянии¹⁸, статуэтки двуполой персонажей с поселений западной группы¹⁹. Статуэтки западного района обнаруживают несомненные связи с пластикой поселений Северо-Восточного Ирана. На поселении восточного района Хапуздепе найдена женская сидящая статуэтка, на бедрах которой прочерчены зигзагообразные линии, весьма возможно, изображающие воду²⁰. К эпохе ранней бронзы относится найденная на Алтын-депе чаша с изображением на дне сидящей статуэтки и человеческой фигурки с поднятыми руками перед ней. На стенке нарисована спираль, — вероятно, изображение змея (рис. 2, 5). Эти изображения указывают на связь мифологического женского персонажа, который несомненно передавала статуэтка, со змеей²¹.

Статуэтки ранней бронзы дают ясные указания на связь изображаемых ими персонажей с водой, змеями, сферой плодородия, продолжения человеческого рода. Эти указания гораздо более явны, чем в предшествующие эпохи, что не может не предполагать усложнения системы коммуникаций в обществе, появления необходимости в дополнительных разъясняющих знаках²². Такие изменения и должны были происходить в культуре, где нарастают тенденции дифференциации, развивается металлургия бронзы, распространяется гончарный круг, появляются крупные поселения, усложняется общественная структура.

Большинство статуэток этого времени найдено в культурном слое поселений, причем в относительно небольших по площади стратиграфических раскопах или шурфах. Лишь несколько экземпляров происходят из комплексов, которые могут пролить свет на их функцию. Так, статуэтка беременной женщины найдена в погребении на Алтын-депе. На этом же поселении маленькая схематичная фигурка обнаружена в помещении с очагом особой формы, с нишей, при этом фигурка находилась под нею вместе с каменной мотыжкой и 11 глиняными лепешками. Вероят-

¹⁷ Массон, Сарияниди. Ук. соч. Табл. XX, XXI; Сарияниди. Памятники позднего энеолита... Табл. XXV.

¹⁸ Массон, Сарияниди. Ук. соч. Табл. XI, 4; XXVIII, 4.

¹⁹ Ляпин А. А., Масимов И. С. Обследование памятников ранней бронзы // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 507—509.

²⁰ Массон, Сарияниди. Ук. соч. Табл. XXIV, 6.

²¹ Кожин П. М., Сарияниди В. И. Змея в культовой символике анауских племен // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

²² Pentikäinen Z. The Pre-literate Stage of Religion Tradition. Les religions de la prehistoire. Valcamonica Symposium '72. Capo di Ponte, 1975; Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 177 сл.

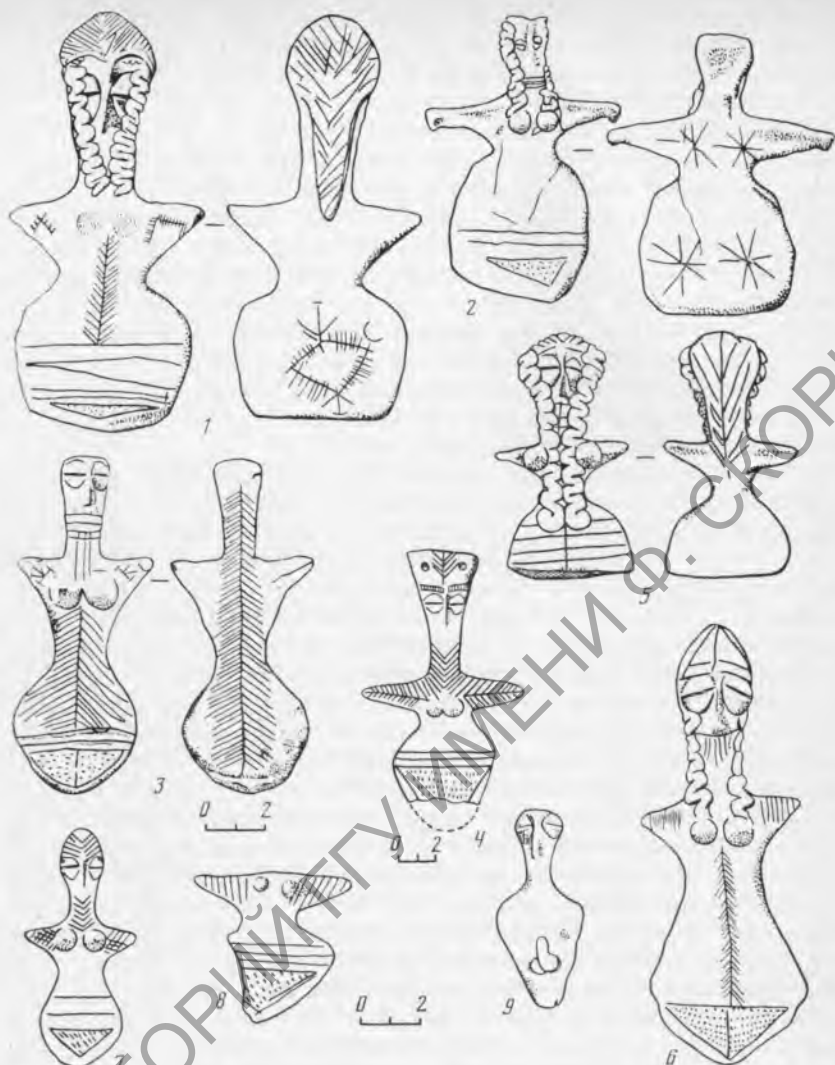

Рис. 3. Статуэтки времени Намазга V

но, помещение служило для ритуальных действий, элементом которых была и фигурка²³.

Поиски новых форм поры ранней бронзы завершились в эпоху Намазга V (2600—2200 гг. до н. э.) формированием статуэток нескольких типов, объединяемых общностью стиля. Это совершенно плоские фигурки женщин, редко — мужчин. Их руки разведены в стороны, нижняя часть отогнута вперед (у типологически ранних образцов), но затем почти совершенно выпрямлена, благодаря чему статуэткам, не имеющим ног, придается стоячая поза. Нижняя часть фигурки занята, как правило, преувеличенным знаком женского пола. При помощи налепов изображали

²³ Кирчо Л. Б. Раскопки слоев ранней бронзы на Алтын-депе в 1979—1980 гг. // КСИА. 1983. 176. С. 68.

различные прически и головные уборы, громадные глаза на безротых лицах. По сырой глине прочерчивали признак пола, растение, иногда занимавшее почти всю поверхность фигурки, наконец, условные знаки на плечах и детали причесок (рис. 3).

Бросается в глаза обилие растительных мотивов у этих статуэток, как женских, так и мужских: сходство с растением имеют верхние части причесок, плетеные косы на спине; «дерево» изображается не только впереди, но и сзади, передавая одновременно спускающуюся до земли косу. Из женских статуэток, найденных на поселениях подгорной полосы Копет-Дага, около 70% целых экземпляров и фрагментов торсов несут изображения растения или имеют прическу, имитирующую растение; около 30% фрагментов головок имеют прическу с элементами, изображающими растение. Завершающие традицию анауской пластики статуэтки, обнаруженные недавно на поселениях древней дельты Мургаба, отличаются от статуэток подгорной полосы почти полным отсутствием знаков, но изображения растений у них сохраняются²⁴.

В изучении семантики статуэток периода Намазга V особое место принадлежит анализу наносившихся на них знаков²⁵. В работе, посвященной анауской пластике, В. М. Массон и В. И. Сарияниди разделили их на шесть групп: I — углообразные и ромбические знаки со штрихами на сторонах, II — восьмиконечная «звезда» (рис. 4, 4), III — варианты знака, напоминающего «К» с поперечной перекладиной или «Ш» (рис. 4, 5), IV — знак в виде ветви, V — волнообразные линии, спаренные углы, иногда двойные (рис. 4, 2—3), VI — вертикальные штрихи (рис. 4, 6)²⁶. (К этому можно было бы еще добавить знак в виде расположенных по контуру руки точек). Авторы придавали большое значение этим условным фигурам, видя в них знаки различных божеств, которых, по их мнению, изображали статуэтки. Фрагментарный материал позволил В. М. Массону и В. И. Сарияниди связать с определенными знаками лишь некоторые характеристики фигурок, в первую очередь прически и головные уборы. В результате было высказано предположение о существовании нескольких типов статуэток и соответственно — образов нескольких духов и богинь, имевших свои символы. Статуэтки со знаком в виде угла со штрихами изображали, согласно этой интерпретации, «великую богиню — мать», местную параллель шумерской Нинхурсаг-Нинмах, может быть, локальное божество-покровительницу Алтын-депе; статуэтки со знаком звезды или креста — небесную богиню типа шумерской Инанны. Менее уверенно говорилось об образах, стоящих за статуэтками со знаком «ветви-зерна» и «зигзага-воды». Первые, по их предположению, изображали духа растительности, вторые — воды²⁷.

Разнообразие таких элементов статуэток, как прически и головные уборы, знаки, формы отдельных частей, очень велико, что затрудняет классификацию материала, к тому же достаточно фрагментированного. Накопившиеся с момента публикации В. М. Массона и В. И. Сарияниди

²⁴ *Sarianidi V. I. Margiana in the Bronze Age; Masimov I. S. The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab // The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries / Ed. Kohl Ph. N.Y., 1981.*

²⁵ *Массон В. М., Сарияниди В. И. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы // ВДИ. 1961. № 1; Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // СА. 1972. № 4; она же. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.*

²⁶ *Массон, Сарияниди. Среднеазиатская терракота... С. 90 сл.*

²⁷ Там же. С. 121. сл.

данные хотя и позволяют систематизировать несколько большую его часть, все же вынуждают оставить за пределами классификации значительное количество образцов, в первую очередь фрагментов. При этом во внимание может быть принят материал лишь с Алтын-депе, где в течение многих лет ведутся систематические раскопки. Статуэтки с других поселений, при некотором своеобразии, имеют с ними значительное сходство.

В результате анализа как старых, так и вновь опубликованных материалов сейчас представляется возможным выделить девять типов статуэток, характеризующихся рядом признаков: особенностями трактовки нижней части фигуры, некоторых ее элементов (признак пола, грудь); формами причесок или головных уборов, украшений, знаков, растения. Приведем краткое описание этих типов, число которых в дальнейшем несомненно возрастет.

Tun I (рис. 3, 1). Статуэтки с сильно отогнутой вперед нижней частью, прической в виде налипной косы сзади, двух прядей впереди и высокого «кокошника»; ожерелье и пояс из нескольких линий, признак пола — крупный треугольник. Впереди изображено «дерево»; знаки — углообразные со штрихами, ромб, сложный крест. *Tun II* (рис. 3, 2). Близок к предыдущему, отличается особенностями прически, не имеет изображения «дерева», знаки в виде восьмиконечной звезды. *Tun III* (рис. 3, 3). Налепная прическа отсутствует, впереди и сзади по всей поверхности прочерчено «дерево». Знаки в виде половины восьмиконечной звезды. *Tun IV* (рис. 3, 4). Отличается от предыдущих слабо отогнутой нижней частью, полностью занятой крупным признаком пола. На трапецевидном головном уборе изображено «дерево», прочерченное также на руках и груди. *Tun V* (рис. 3, 5). Статуэтки с сильно отогнутой вперед нижней частью, прической из налипных прядей впереди и прочерченной косы сзади; нижняя половина фигуры заполнена горизонтальными линиями, перечеркнутыми одной вертикальной; знаки не обнаружены. *Tun VI* (рис. 3, 6). Статуэтки с сильно отогнутой нижней частью, налипными прядями впереди, подтреугольным головным убором, «деревом» и знаками в виде штрихов. *Типы VII — VIII* (рис. 3, 7—8). Объединяют статуэтки со слабо отогнутой нижней частью, головным убором овальной формы с заполнением из углообразных линий, «сеткой» или штрихами на плечах и углообразным многорядным ожерельем. *Tun IX* (рис. 3, 9). Сюда входят схематичные фигурки, восходящие к условным статуэткам неолитического времени, лишенным рук. Они представляют собой головку на длинной шее, тулово овальное, сужающееся книзу. Знаки в виде буквы «Ш», углообразных фигур, штрихов. Только среди статуэток этого типа зафиксированы мужские.

Мужские статуэтки продолжают оставаться немногочисленными. Знаки на них никогда не встречаются, но почти всегда в нижней части изображается «дерево» — одно, два или три. Эти персонажи всегда изображены в эротическом состоянии.

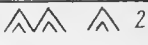
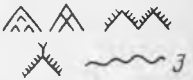
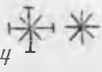
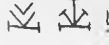

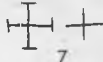
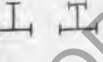

Варианты	
Полные	Половинные
	
	
	
	

Рис. 4. Знаки со статуэток эпохи Намазга V

Остановимся на местонахождении статуэток по материалам Алтын-депе. Из всех найденных в определенном контексте 50% происходят из различных помещений — жилых и, возможно, хозяйственных, 30% найдено на улицах и дворах, 20% — в погребениях и погребальных комплексах, т. е. не непосредственно с костяками, а в пределах погребальных сооружений. В домах первоначальное местонахождение статуэток пока не установлено, хотя возможно, что они могли помещаться в ственных нишах. Две целые статуэтки были обнаружены в фундаментах домов²⁸. В коллективных погребениях связь статуэтки с определенным костяком, если она существовала, не всегда удается установить из-за перемещения останков в древности. Тем не менее в некоторых случаях обнаруживается их принадлежность женщинам. Две статуэтки разных типов находились в левой руке женского костяка с большим набором украшений и серебряной печатью (раскоп 5, погребение 60)²⁹. В коллективной гробнице в помещении 11 (раскоп 5) находилось пять женских костяков, один мужской и два детских³⁰. Исходя из преобладания женских костяков, можно предполагать, что найденные здесь две статуэтки, на этот раз одного типа, первоначально находились при женщинах. Аналогична ситуация в коллективной гробнице в помещении 125 (раскоп 5), где одна статуэтка была при четырех женских, одном мужском и одном детском костяках³¹. В гробнице в помещении 124 женская статуэтка находилась при скелете женщины 15—16 лет³². Три статуэтки одного типа найдены в коридоре коллективной гробницы 9 (раскоп 5). Рядом с ними стояли три миниатюрных сосудика³³.

Весьма примечательно распределение статуэток на поселении, как оно рисуется по раскопкам, захватившим, правда, только его часть. Симптоматично, что в месте расположения предполагаемого культового комплекса, где находилась какая-то монументальная постройка, а также гробница с разнообразными ритуальными вещами, найдена всего одна статуэтка, да и то в забутовке двора³⁴. Раскопки проводились на нескольких холмах, образованных, по всей вероятности, постройками, составляющими кварталы, населенные членами отдельных общин. Попытка связать с этими отдельными комплексами статуэтки определенных типов привела к следующим выводам. На так называемом «Холме стены» найдены статуэтки типов II, III, V, VI; на «Холме вышки» — типов I, II, IV, VII, VIII, IX; на «Холме ремесленников» — типа V. Из этих данных пока рано делать окончательные выводы, однако примечательно, что статуэтки некоторых типов встречаются в одних местах и не встречаются в других. Сопоставимы комплексы, найденные на «Холме стены» и «Холме вышки». В обоих местах встречаются разные типы, кроме одного — типа II. В то же время в месте сосредоточения гончарных горнов, где производился обжиг керамической посуды и, быть может, ее делали, не обнаружено статуэток типов, встречающихся на «Холме стены» и «Холме вышки», кроме типа V. Найденные здесь статуэтки своеобразны.

Возможно, такое распределение — следствие некоторой разновременности вскрытых жилых комплексов: типы I, II, III, V, VI представляются несколько более архаичными, чем прочие. Нет оснований думать, что

²⁸ Массон, Сарияниди. Среднеазиатская терракота... С. 84.

²⁹ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981. С. 42.

³⁰ Там же. С. 52.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 71. Мужские статуэтки ни разу не встречены в погребениях.

статуэтки всех типов изготавливали обитатели предполагаемого центра керамического производства, где сосредоточены горны. Очевидно, дальнейшие раскопки внесут ясность в эти вопросы.

Знаки разных форм встречаются по преимуществу на типологически ранних статуэтках, особенности которых — отогнутая вперед нижняя часть, посредством чего имитировалась сидячая поза, иногда — рудименты опущенных вниз рук, пышные налепные прически. Типологически поздние образцы, особенно четко выявляющиеся в мургабских памятниках (относящихся и к последующей эпохе Намазга VI), почти выпрямлены, имеют не прически, а головные уборы, на их телах и руках изображаются растения (другие знаки представлены единичными образцами). Такая линия развития позволяет высказать предположение, что и ранние разнообразные знаки в основном, хотя и не исключительно, тоже передавали растения, часто в сочетании с землей, их породившей. Знаком земли выступает с полной очевидностью треугольник — признак пола, из которого поднимается растение, иногда изображавшееся и непосредственно на треугольнике.

Сопоставление знаков с орнаментами эпохи Намазга IV позволило выявить их «полные» и «половинные» варианты (рис. 4)³⁵. К «полным» относится ромб и разновидности знаков кресто- и звездообразной формы. Сравнение с орнаментами, включающими помимо геометрических фигур изображения растений, показывает, что «полные» и «половинные» варианты знаков представляют соответственно условные изображения растений, направленных в четыре стороны или их же, поднимающихся из треугольника — горы. Четырехугольные фигуры, как нам кажется, являются знаком земли с ее четырьмя главными направлениями, земли, покрытой растениями, которые в период Намазга V передаются штрихами на сторонах ромба или лучами звездообразных фигур³⁶. К «половинным» вариантам мы относим разные «Н» и «Ш»-образные знаки. Штрихи, волны и точки могут рассматриваться как выродившиеся знаки, нанесившиеся по традиции, которая затухала, подобно традиции росписи сосудов в более раннее время.

Обращает на себя внимание четкость системы размещения знаков. «Полные» варианты изображаются обычно в нижней части фигурок и на спине, «половинные» — на плечах, т. е. наверху. Таким образом, ромб или лучезвездная звезда ассоциируется по местонахождению с треугольником — признаком пола (которому они близки семантически), знаки на плечах — с головой, увенчанной «растительной короной». Женщина отождествляется с землей и растениями, поднимающимися из ее глубин. Но кого же она изображает?

Сложность выяснения семантики статуэток дописьменных культур заключается, в частности, в том, что их особенности, взятые сами по себе, могут в равной мере свидетельствовать как о том, что они изображали богов или одно божество, так и о том, что они передавали образы существ гораздо менее определенных по своим функциям, менее могущественных, чем боги, смертных и более тесно связанных с явлением, которое они персонифицируют, в частности, демонов или духов. Выход из этого положения, вероятно, можно искать в расширении источников-

³⁵ Антонова. Орнаменты... С. 10 сл.; она же. Божества земли и растений в представлениях древних обитателей Средней Азии и Двуречья // Бюллетень МАИЖСА, т. М., 1984.

³⁶ Более подробно о символе земли см. Антонова. Очерки культуры древних земледельцев... С. 59 сл.

ведческой базы, в анализе статуэток в контексте развития определенной культуры, реконструируемого уровня общественного развития, в привлечении исторически и типологически близких аналогий. Однако и здесь есть свои сложности. В. М. Массон и В. И. Сарияниди, привлекая аналогии, взятые из обрядов и религиозной практики разных народов — от обитателей Двуречья III—I тыс. до н. э. до населения Сибири XIX — начала XX в., пришли к выводу, что анауские статуэтки периода Намазга V «...потреблялись в церемониях обрядов и заклинаний, а наиболее тщательно выполненные представляли собой, скорее всего, домашних идольчиков. При этом в терракотовых фигурках могли быть персонифицированы самые различные духи и божества»³⁷. Соглашаясь с этим выводом в целом, надо отметить, что в последней своей части он, вероятно, — следствие привлечения слишком широкого круга сопоставлений, при подборе которых не в полной мере учитывается уровень развития религиозных представлений и социального развития обществ, которым принадлежали заинтересовавшие исследователей данные.

Исследователи духовной жизни первобытных народов Передней и Средней Азии постоянно обращаются к материалам Двуречья, однако там в III—II, а тем более в I тыс. до н. э., от которых дошли многочисленные и разнообразные документы, существовали не только развитые религиозные, но и формирующиеся философские системы. Для реконструкции представлений первобытных земледельцев следовало бы обращаться к низовой религии, типологически и исторически близкой религии первобытной поры. Изображения демонов, известные по раскопкам и письменным свидетельствам, бытовали в более развитом, чем первобытное, обществе с естественно более развитой культурой, религиозными представлениями и изобразительной традицией. Они принадлежат вполне определенной системе, и для того, чтобы привлекать данные такого рода для интерпретации явлений безусловно менее развитой в общественном отношении культуры, они должны быть расслоены, в них необходимо выделить архаический пласт. Такая работа, по словам А. Л. Оппенхейма, еще не произведена ни ассириологами, ни историками религии³⁸.

В архаических культурах, исследуемых этнографией, и в древних культурах периода письменной истории встречаются изображения многочисленных и разнообразных духов и богов. В архаических обществах, сохранивших элементы родового строя, разнообразие изображаемых существ не столь велико, как в древних государствах, например Двуречья, хотя в представлениях первых их было также достаточно много. Так, народы Сибири изготавливали в основном изображения семейно-родовых покровителей, среди которых преобладали образы предков³⁹. Даже в столь развитой системе, как религия бурят, находившихся, по словам С. В. Иванова, на патриархально-феодальной стадии развития, в изображениях на онгонах над относительно немногочисленными изображениями богов преобладали изображения предков или реальных людей, сородичей, в жизни и смерти которых были обстоятельства, связывающие их с точки зрения соплеменников с миром сверхъестественного⁴⁰.

Духи, в существование которых верили древние и первобытные люди,

³⁷ Массон, Сарияниди. Среднеазиатская терракота... С. 87.

³⁸ Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. М., 1980. С. 176.

³⁹ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

⁴⁰ Он же. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // МАЭ. 1937. Т. XVII.

многочисленны и разнообразны, но отнюдь не всех их стремились изображать. Древняя скульптура и изображения на плоскости, известные для эпохи первых цивилизаций, данные этнографии говорят о том, что большое число образов сверхъестественных существ фиксировалось лишь словесно в различных текстах. Там они описываются, как ведущие себя подобно людям. В изобразительных же формах воплощались по преимуществу люди.

На печатях Двуречья IV — первой половины III тыс. до н. э. встречается много антропоморфных персонажей, преимущественно имеющих облик реальных людей, а не фантастических существ. Изображения явно определяемых рядом особенностей богов появляются систематически только в аккадской глиптике; в раннединастическое время их крайне мало. В таких обширных комплексах храмовой скульптуры, как обнаруженные в Телль Асмаре и Хафадже, безусловные статуи богов так и не выделены. Статуи изображают адорантов, их присутствие в храме служило гарантией благоволения богов, исполнения обращенных к ним просьб ⁴¹.

Эта ситуация не уникальна в древнем мире. Достаточно обратиться к более поздним, чем шумерская, цивилизациям Передней Азии, а также к культуре Египта, чтобы прийти к выводу: люди предпочитали изображать не столько богов, сколько смертных, занимающих особое положение посредников между миром людей и сверхъестественным. Тонкий знаток архаичной (традиционной) культуры С. В. Иванов пишет: «Изготовляя ту или иную скульптуру, человек создавал вокруг себя как бы второй, осязаемый и зримый мир людей, животных и других существ, которые всегда или длительное время были при нем, будь то небожители, духи нижнего мира или тени предков. Мир конкретных образов „облегчал“ человеку общение с теми невидимыми существами, которые казались ему то доброжелательными и полезными, то вредными и опасными» ⁴². При этом необходимо помнить, что скульптура в отличие от двумерных изображений конкретна и телесна, возможность передачи в ней символов имеет определенные ограничения.

Средствами скульптуры — наиболее жизнеподобного из всех изобразительных искусств — стремились запечатлеть человеческие существа, что соответствовало конкретности восприятия первобытных и древних людей. Их изображение было необходимо для совершения обрядов, в которых они играли роль своего рода посредников или объектов действий. Явления природы, если они и антропоморфизировались на словесном уровне, визуально все-таки были иными. Недаром все народы даже письменной древности часто при изображении богов прибегали к различным символам, образам животных и т. д., обращались к стихиям — земле, воде, небу непосредственно. Расцвет изобразительного, визуального антропоморфизма связан только с античной культурой со свойственной ей пластичностью мировосприятия. В ней статуи богов стали не только явлением религиозной жизни, но принадлежностью более широкой сферы культуры, в частности, обособившегося искусства.

До сложения государства земледельцы, у которых в разной степени, но всегда достаточно существенную роль играли связи по родству, наиболее близких себе представителей в мире сверхъестественного имели

⁴¹ Frankfort H. Sculpture of the Third Mill. B. C. from Tell Asmar and Khafajah. Chicago, 1939.

⁴² Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. С. 153.

в лице умерших родичей, среди которых выделялись фигуры преёков, относимых к мифологическому прошлому. На этом этапе развития они в большей степени, чем духи — предшественники богов — постоянные участники всех ситуаций жизни людей. Живые свидетельства этого дает этнография народов, в частности Средней Азии, региона, интересующего нас в рамках данной работы. К умершим, предкам обращались, прося дождь или стремясь отвести падеж скота, желая получить потомство и мечтая освободиться от болезней. Места их почитания — многочисленные мазары, и исламская оболочка не затмевает их древнего, доисламского происхождения ⁴³.

Обитатели Дворья опасались своих умерших, причисляя их к опасным духам Мира мертвых, но считали их и заступниками за живых родственников, разумеется, при условии совершения соответствующих обрядов в их честь, в первую очередь снабжения их пищей и водой. Известны документы, свидетельствующие о том, что передача имущества по наследству совершалась при условии отправления наследником заупокойного культа завещающего. В домах были специальные помещения для отправления заупокойного культа ⁴⁴.

Посредниками между миром богов и людей считали умерших и древние египтяне. Они «отвращали» от живых зло и способствовали их благу. К ним обращались с разнообразными просьбами, известными благодаря письменной фиксации некоторых из них (защита имущества, забота о потомстве, здоровье родственников умершего). На статуэтке обнаженной женщины с ребенком, найденной в погребении, была сделана надпись: «Да будет дано дитя дочери твоей Сэх» ⁴⁵. В этом случае статуэтка, вероятно, служила указанием на характер просьбы, которую надпись конкретизировала или дублировала.

Умершие, будучи для живых людьми вполне реальными, когда-то известными лично или по рассказам стариков, наделяются чертами того мира, которому они принадлежат после смерти, в частности чертами духов природы ⁴⁶, набор функций которых определялся различными потребностями людей, в том числе хозяйственными, неотделимыми в это время от восприятия мира, «идеологии». У земледельцев очевидно, они не могли не связываться с землей, водой, миром растений, с поселением и жилищем, основанными этими умершими, предками. Эти персонажи, как вообще персонажи религий, а не философских систем, не были абстрактными символами, результатами лишь осмысления мира, обстоятельств

⁴³ Приведем лишь несколько примеров, число которых можно было бы умножить до бесконечности. Горные таджики во время празднования Нового года зажигали светильники в честь предков; одно из мест их установки — ткацкий станок — связано с жесткими покровителями. В то же время около мазаров (впрочем, не только там) устраивали общественные трапезы, посившие характер жертвоприношений. Во время сбора урожая духам предков давалось угощение; у мазаров совершали обряды вызывания дождя, а для его прекращения сжигали палки с могил (*Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. С. 199, 208, 210—212).

⁴⁴ Наиболее полной и новой сводкой представлений о смерти и умерших в Дворье является сборник: *Death in Mesopotamia* / Ed. V. Alster. Copenhagen, 1980.

⁴⁵ *Guilmot M.* Les lettres aux Morts dans l'Égypte ancienne // RHR. 1966. CLXX. 1.

⁴⁶ Ср. в религиях народов Африки: «Культ предков сочетается всюду в автохтонных религиях Африки с культом природы и стихий. Силошь и рядом процесс контаминация манов с духами природы заходит столь далеко, что невозможно установить теперь, возник ли данный религиозный персонаж в качестве духа предка, духа природы или одновременно того или другого» (*Шаревская Б. И.* Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964. С. 207).

человеческой жизни. Они представляли интерес постольку, поскольку выступали с точки зрения древних как активные и совершенно необходимые участники их жизни, одни из гарантов ее существования и продолжения. Особенность этих персонажей — полифункциональность⁴⁷.

Характер религиозных представлений неотделим от уровня общественного развития, от социальной структуры общества, показателем чего в археологии является, в частности, архитектура построек и размер поселений. Судя по ним, в эпоху позднего энеолита кроме небольших поселений размером в 1—2 га существовали уже крупные центры до 9—10 га и более⁴⁸. В период развитой бронзы размеры поселений настолько вырастают, а уровень развития материальной культуры так поднимается, что некоторые из них, такие, как Алтын-депе (площадь холма 46 га) или Намазга-депе, приобретают некоторые признаки протогородов. В эпоху позднего энеолита жилые дома представляют собой многокомнатные комплексы, где жили члены общин, объединяющих, по всей вероятности, не одно поколение сородичей. Многокомнатные дома продолжают существовать и позже. В эпоху бронзы четко прослеживается существенная дифференциация между различными общинами.

Вероятно, среди населяющих крупные поселения эпохи бронзы общин были не только те, предшественники которых жили здесь искони, но и пришлые с других поселений, в первую очередь той же анауской культуры. Легкость этих переселений, вероятно, обеспечивалась тем, что «коренные» жители и переселенцы были одноэтничны и осознавали свое родство. Одно из свидетельств их единства — бытование статуэток сходных форм. В то же время разнообразие типов и обилие вариантов, как можно думать, свидетельствуют о том, что статуэтки изготавливали в отдельных коллективах мастера, следовавшие различным традициям в пределах одной общины. Их изделия распространялись иногда довольно широко: статуэтки одного типа обнаруживают и на поселениях, разделенных многими десятками километров (например, на Алтын-депе и Намазга-депе). Факт нахождения двух статуэток разных типов в погребении молодой женщины на Алтын-депе (см. выше) показывает, что различные по форме образцы могли принадлежать одному человеку.

Кого же изображали статуэтки? Предположения на этот счет могут быть сделаны не только на основе их внешнего облика, но и при учете условий их местонахождения — в отдельных жилых домах, в погребениях, их предполагаемой принадлежности женщинам. Все это, как и сказанное выше о специфике древней скульптуры и уровне развития общества носителей анауской культуры, заставляет видеть в статуэтках изображения семейно-родовых покровителей, в первую очередь связанных с женской половиной общины и той сферой жизни, которая была наиболее близка женщинам — продолжения рода, здоровья всех и детей

⁴⁷ Характерно, что функции такой связанной с хозяйством богини, как Деметра, олицетворявшей хлебное поле, были весьма разносторонни и охватывали не только землю и ее порождения — растения, но и сферу культуры, и общественную жизнь. Около полей находились ее храмы, ее связывали с током и амбаром, а также с приготовлением хлеба и муки. Она была богиней подземного мира, которой приносили жертвы во время жатвы и сооружали храмы около грешин, уводящих в глубь земли, но она же была и покровительницей детей и домашних животных; ей принадлежали и брачные установления. Вряд ли все эти функции были результатом контаминации разных образов, но если это было и так, то она происходила в рамках структур полифункциональных образов.

⁴⁸ Сводку сведений см. в книге: *Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ.* Л., 1976.

в особенности, женскими занятиями — прядением, приготовлением пищи. Обнаружение их в основаниях очагов в пору Намазга II показывает, что они связывались с этим средоточием жизни дома. Весьма вероятно, что этими покровителями были умершие, которые рассматривались как способные оказывать благотворно влияние на жизнь общины, поэтому их постоянное присутствие в домах считалось необходимым.

Эти покровители обладали признаками и свойствами женщин-матерей, кормилиц, приобретших связь и с миром природы, свидетельством чего — изображения на них диких животных. Возможно, они сближались с образами «хозяев» природных явлений. Судить об их более конкретных характеристиках позволяют данные этнографии народов Средней Азии, представляющие уникальный интерес для интересующей нас темы. К сожалению, они редко привлекаются исследователями первобытной скульптуры, не только зарубежными, но и отечественными.

Остановимся на некоторых из этих материалов. У таджиков существовало представление о «момо» — «матерях», патронессах бабок-повитух. В их числе были умершие и давно, и недавно — те, которые передали свое служение, считавшееся сакральным, ныне здравствующим женщинам⁴⁹. Такая мифологизация реальных образов характерна для архаической формы мышления. Присутствие этих духов считалось необходимым для рождения ребенка, для чего их привлекали, возжигая светильники. Отношение участниц обряда к этим светильникам показывает, что их понимали как изображения духов, — вероятно, как полагает О. А. Сухарева, это отзвук древней традиции, когда действительно существовали такие изображения. «Момо» не были изолированы от других духов, в том числе духов предков — «арвохов». Духи «момо» имели свои мифологические «биографии», т. е. были существами вполне конкретными. Вероятно, столь же конкретны были и персонажи, которых изображали статуэтки анауской культуры, на что указывают некоторые признаки их внешности: многогрудость одной статуэтки или изображение фигурки ребенка у другой (период Намазга III). Неправоммерно видеть в этих деталях проявление одного образа, это несвойственно представлениям людей интересующей нас эпохи. Множественность образов при сходстве одних признаков и своеобразии других и при этом общая структурная основа — вот что их определяет.

Несмотря на запреты ислама у народов Средней Азии в некоторых местах сохранялась традиция изготовления кукол. Обращение с ними позволило предположить, что они восходят к изображениям семейных покровительниц, передаваемых по женской линии. В играх с куклами прослеживаются прежние функции этих покровителей — забота о семейном благополучии, браке, деторождении. Игра с ними девочек поощрялась старшими женщинами и была особенно активной в некоторые времена года, в частности весной⁵⁰.

С тем, что куклы принадлежали женщинам и специфически женской сфере, связана немногочисленность кукол-мужчин. Куклы изображали взрослых, в том числе матерей с детьми, в то время как куклы-отцы почти не встречались. Девочки играли с куклами в различные игры, в том числе в свадьбу, а также кормили их. Так же кормили, несомненно, и анауские статуэтки, так как известны (в эпоху Намазга V) маленькие сосудики,

⁴⁹ Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

⁵⁰ Пещерова Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // МАЭ. 1956. XVII.

иногда несущие изображения тех же знаков, что встречаются на статуэтках.

Замечательно, что одно из кукольных кормлений называлось «угощение джинов», т. е. духов. Дети приносили продукты, из которых готовили похлебку для кукол, которых уговаривали поесть, а потом сами дети съедали похлебку, воспроизводя тем самым ритуальное пиршество. Угощение духов в виде кукол осуществляли и женщины-узбечки и таджички, принося кукол на мазар и ставя перед ними пищу. Делали это, в частности, для излечения больных детей⁵¹.

Все эти обрядовые действия (или в детских играх — выродившиеся обряды) демонстрируют, зачем нужны были изображения: с ними манипулировали, к ним обращались, их кормили, ожидая помощи. Е. М. Пещерева слышала, как девочка, кормя куклу, говорила: «Съела ты, не съела, ничего мне не говори ни на этом свете, ни на том»⁵², что явно имело цель обезопасить себя от гнева духа, воплощавшегося в кукле, власть которого простиралась и на посмертное существование. Естественную параллель этому представляют обряды в честь предков, кормление которых должно было гарантировать их благоволение.

Появление в период позднего энеолита статуэток мужчин и, быть может, детей указывает на некоторые изменения в представлениях (напомним, что в период Намазга II известны только женские статуэтки). Характерно, что изображения мужчин появляются одновременно с формированием многокомнатных домов — жилищ большесемейной общины, в которой, как можно думать, роль мужчин была достаточно велика и таковой осознавалась. Если мифологические женщины выступают в качестве носительниц изобилия, связанного с миром дикой природы, животными и, возможно, растениями, то мужчины предстают воинами, вызывающими в памяти образы воинственных богов Двуречья, обладавших и способностью приносить плодородие (Энлиль, Нингирсу). Все эти признаки покровителей прослеживаются и по пластике раннего бронзового века. Возможно, что статуэтки детей (если условные изображения передают именно их) служили не только магическим средством помощи при деторождении, но были и покровителями детей.

Схематизм и условность статуэток периода развитой бронзы справедливо связывались с изменениями в понимании образов, которые они передавали⁵³. Плоскостность, обилие деталей, явно имеющих символический смысл, — все это указывает на усиление абстрактных черт в образах женских и мужских существ. Пышный убор статуэток, украшения, поднимающееся из лона дерево — все это предполагает, что изображаемые существа показаны в определенном, кульминационном моменте своего существования. Характер этого момента прямо указывают статуэтки мужчин⁵⁴. Все особенности статуэток позволяют заключить, что женские и мужские персонажи явно представлены в брачной ситуации. Все сопровождающие их знаки — растений и земли, изобилия, являющегося следствием этого брака, находят отражение в текстах песнопений обряда священного брака в Двуречье, исследованных и опубликованных С. Н. Крамером⁵⁵.

⁵¹ Там же. С. 87.

⁵² Там же. С. 57.

⁵³ *Массон, Сарганиди*. Среднеазиатская терракота... С. 138.

⁵⁴ Там же. Табл. XIX.

⁵⁵ *Kramer S. N. Cuneiform Studies and the History of Literature: the Sumerian Sacred Marriage Texts // PAPS. 1963. V. 107. №. 6; idem. From the Poetry of Sumer. Los Angeles — London, 1979.*

Есть ли основания видеть в изображенных на статуэтках растениях злаки и на этом основании считать, что они передавали образ «богини зерна»? Таким божеством, полагают, олицетворением хлебного поля была у шумеров Ашнан, описываемая в текстах как «стоящая в поле»⁵⁶. В таком же — стоячем — положении находится и большинство статуэток анауской культуры периода развитой бронзы и более поздних. Однако нет никаких признаков, позволяющих утверждать, что изображали именно злак; более того, некоторые фигурки снабжены явно иными растениями, например венком из цветов⁵⁷. Поэтому предположение, что некоторые статуэтки изображают божество или дух зерна, не кажется пока убедительным. Почитание злаков наверняка имело место у носителей анауской культуры, но они могли не изображать его духа в антропоморфном облике, обращаясь в определенных ситуациях к пучку или снопу колосьев, к сделанной из них кукле, как это было у других сельскохозяйственных народов в новое время. Особенности оформления статуэток скорее указывают на образы более широкого круга, когда в обрядах фигурируют разные растения, деревья, цветы, как это было в обрядах священного брака в Шумере и как свидетельствуют такие тексты, как знаменитая библейская «Песнь песней».

Это тяготение образов, стоявших за статуэтками периода Намазга V, к растениям, земле, брачным обрядам, возможно, несколько ослабило их связь с предками и умершими, но вряд ли она совершенно исчезает. Члены общин, осознающие свое родство и родственную связь со своими мифологическими покровителями, вероятно, в условиях протогорода создают на основе существовавших прежде образов образы более широкого «диапазона действия»⁵⁸.

Данные долгое время существовавшей анауской культуры позволяют наметить некоторые признаки перехода от обрядов и представлений позднепервобытнообщинного строя к собственно религии формирующегося дифференцированного общества. Но вопрос в том, можно ли видеть в образцах антропоморфной пластики изображения богов, сопоставимых с известными в древнейших государствах? Или это реалии, присущие более раннему этапу?

Для характеристики образов ранних богов-покровителей большое значение имеют данные Двуречья. В городах-государствах III тыс. до н.э. бытовали представления о божествах-хозяевах этих городов, обитавших со своими семьями в храмах. Они обладали чертами божеств плодородия, что было необходимо для продолжения существования подвластных им людей⁵⁹, но они также были связаны с различными стихиями, растениями, культурными реалиями⁶⁰. Сведения, хотя и немногочисленные, показывают, что такие подразделения городов, как кварталы, имели своих богов-покровителей, культ которых отправлялся в специальных «часовнях»⁶¹.

⁵⁶ Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1965. С. 135.

⁵⁷ Массон. Алтын-депе. Табл. VIII, 4.

⁵⁸ Ср. ситуацию в Африке, где был столь развит культ предков. Он отступает на второй план в раннегосударственных образованиях. Вместе с тем функции божеств становятся более определенными, а также происходит «разрыв локальности верований, включение в сонм божеств иноплеменных» (Львова Э. С. Этнография Африки. М., 1984. С. 192).

⁵⁹ Frankfort H. Cylinder Seals. L., 1939. P. 112.

⁶⁰ Jacobsen T. Toward the Image of Tammuzj and Other Essays on Mesopotamian History and Culture. Cambr., 1970. P. 21—23.

⁶¹ Gadd C. J. Ideas of Divine Rule in the Ancient East. L., 1948. P. 64—65.

Свои покровители были и у отдельных семей — это были божества более или менее высокого ранга в зависимости от общественного положения семьи. Почитанием пользовались также умершие. Таким образом, каждая общественная единица имела своего божественного покровителя, служившего наряду с прочим олицетворением этого единства. Так было в городах, население которых объединялось территориальными связями и только в низовых ячейках — родственными. Следует подчеркнуть, что, имея представление о многих богах, люди регулярно отправляли культ лишь тех, с которыми считали себя связанными непосредственно, кого считали своими покровителями или заступниками перед богами более высоких рангов.

Убедительно аргументированный вывод об отсутствии в Двуречье до аккадского периода целостного пантеона или пантеонов богов сделал на основании исследования глиптики П. Амье⁶². Он считает, что до урукского периода на юге Месопотамии вообще нет сведений о существовании богов антропоморфного облика, но они появляются в урукское время. В течение всей доаккадской эпохи жители различных городов почитали многих богов, но, как полагает П. Амье, они были изолированы друг от друга, не связаны определенными отношениями. Есть лишь свидетельства существования супружеских пар. Быть может, единственное исключение представляет Квадратный храм Телль Асмара, где как будто почитали нескольких божеств. В расплывчатых образах выражались присущие народной религии представления не о богах, олицетворяющих определенную сферу космоса, а о существах с широкими и расплывчатыми функциями, лежащими в пределах потребностей почитавшего их коллектива. В эту пору почитали богов, «растворенных» в космических явлениях, и только для «хозяев» городов или отдельных общин сооружали храмы. Их и могли изображать в антропоморфном облике.

Только на аккадских печатях появляются фигуры, предполагающие существование развитого изобразительного антропоморфизма и пантеона. Это, как можно думать, результат в первую очередь изменившейся политической ситуации, сложения обширного государства. Складывается иерархия и определяются отношения между богами-покровителями отдельных городов. Она, однако, оставалась только относительно стабильной, меняясь в дальнейшем в зависимости от изменений политической ситуации.

Все сказанное, как кажется, позволяет заключить, что ни о каком пантеоне у носителей анауской культуры периода развитой бронзы не может быть речи. Вряд ли существовала и четкая связь между определенным образом и тем или иным типом изображений. Образы различных покровителей, существовавшие в пределах отдельных семейных общин, могли передаваться статуэтками разного облика. Условность изображений позволяла пользоваться в целом сходными статуэтками для передачи образов разных персонажей, семейно-родовых покровителей, прародителей. При всем их различии они, однако, обладали существенно сходными чертами — принадлежностью к женскому полу, подчеркнутыми признаками матери и кормилицы, связью с миром природы и миром мертвых.

Можно полагать, что при сохранении традиций почитания семейно-родовых покровителей в анауской культуре поры развитой бронзы идет

⁶² *Amiet P.* Introduction à l'étude archéologique du Panthéon systématique et des Panthéons locaux dans l'Ancien Orient // *Orientalia*. 1976. V. 45. N.S. F. 1—2.

формирование образов более широкого значения, покровителей не только родственных, но и территориальных коллективов. Но множественность образов должна была существовать еще очень долго. Проблема единственности или множественности даже сформировавшихся образов богов не решается однозначно даже во вполне развитых религиях, включая мировые. Есть сведения, что разные женщины у греков имели своих богинь рождения — Илифий: имя Илифия часто употребляется во множественном числе. У всех людей были и разные Ники. В Риме каждая женщина имела свою Юнону и Венеру, о чем пишет Тибулл: «Хоть бы своими клялась обманщица даже очами, // И Юноной своей, да и Венерой своей, // Верности нечего ждать...»⁶³. Разобщенность отдельных людей или отдельных коллективов, осознание их членами своей изолированности или своеобразия влечет за собой изоляцию образов почитаемых богов. Так, Роман Католик ощущал разницу между Богоматерью Лурдской и Девой Марией, почитаемой в Париже⁶⁴.

Сопоставление анауской пластики с пластикой Двуречья показывает, что в условиях относительно медленного общественного развития на периферии древнеземледельческой ойкумены не только сохраняются, но и продолжают развиваться в условиях протогородской цивилизации древние образы первобытной эпохи. В Двуречье другая картина: статуэтки, существовавшие с неолитического времени, прекращают изготавливать в период сложения классового общества. Стоящие за ними образы претерпевают изменения, сначала вытесняются на периферию религиозного комплекса, а затем частично заменяются богами, действующими в системе сформировавшейся религии классового общества.

В анауской культуре этого не происходит: недавние исследования в древней дельте Мургаба показали, что статуэтки продолжали изготавливать и на самом позднем этапе культуры, в эпоху Намазга VI (прежде считали, что они в это время исчезают). В это время обращает на себя внимание факт отсутствия статуэток в предполагаемом культовом центре Алтын-депе. Если он действительно размещался здесь, это обстоятельство может свидетельствовать в пользу архаичности тех образов, с которыми связывались статуэтки, так как культовый центр, по всей вероятности, принадлежал уже территориальному объединению, а не коллективу родичей.

Облик статуэток анауской культуры развитой бронзы — их вертикальное положение, акцентированное вертикальностью растения, изображаемого впереди и иногда сзади, расположенные симметрично на плечах знаки, иногда повторяющиеся четырежды (в этом случае они изображаются и внизу), сам характер этих знаков — все это показывает, что статуэтки передавали облик существ, находящихся в центре организованного, упорядоченного космоса, разумеется, в том понимании, которое могло существовать на этом этапе развития. Их низ — земля, из которой поднимается растение, символизирующее изобилие. Средняя часть — наземный мир, где источником существования живущих предстают груди женского персонажа, из которых иногда также исходят ветви растения. Верх символизируют знаки земли-горы с растениями и растения, завершающие прическу. Четкость структуры отличает их от более ранних образцов.

⁶³ Лосев А. Ф. Античная религия в ее историческом развитии. М., 1957. С. 58—59.

⁶⁴ Frankfort. Cylinder Seals. P. 112.

Сакральность статуэток и в эту эпоху не была постоянной, как это свойственно обрядовым реалиям первобытных народов, отношению сохраняющемуся и в низовой народной культуре (ср. отношение к иконам: «Годится — молиться, не годится — горшки покрывать»). Поэтому так невелико число целых экземпляров, что резко отличает эти статуэтки от каменной скульптуры храмов, например, Телль Асмара и Хафаджи, которые тщательно сохраняли, закапывали, когда они становились не нужны.

Статуэтки и по своим функциям в обрядах, и по функциям изображаемых ими существ находились в «пограничной» ситуации. Персонажи принадлежали двум мирам — человеческому и внечеловеческому, природному. В них сочетались черты реальных людей, наделенных особыми силами, умерших сородичей, но и мифологических существ, для людей не менее реальных. В свойствах этих существ видели те же проявления, что в земле и растениях — способность рождать и кормить, но было бы упрощением, как кажется, считать их персонификациями земли и растений: эти образы более расплывчаты и полисемантны. И Иппанна в священном браке с земным заместителем Думузи не была персонификацией земли и природы, хотя наделялась их свойствами, как и они — свойствами женского организма.

Сами статуэтки — объекты обрядов, так как им адресованы определенные действия, их кормят, к ним обращаются с просьбами. Но они — и субъекты, обладающие способностью воздействовать на окружающее в желаемом для людей направлении.

LA SÉMANTIQUE DES STATUETTES ANTHROPOMORPHES
DES AGRICULTEURS PRIMITIFS
(D'APRÈS LA CULTURE D'ANAU)

Je. V. Antonova

L'article est consacré à l'évolution de la sémantique des statuettes de la culture d'Anau, en Turkménie méridionale (V^e—IIe mill. av. n. è.). Outre les figurines elles-mêmes, l'auteur fait appel à des données ethnographiques et à l'histoire des convictions religieuses des habitants de la Mésopotamie ancienne. Etudiant les modifications de l'aspect des statuettes dans le contexte du développement de la structure sociale des porteurs de la culture d'Anau, elle conclut que ceux-ci croyaient à l'existence de protecteurs familiaux et claniques représentés justement par ces figurines. Aux étapes les plus reculées, ces protecteurs tenaient beaucoup des ancêtres, des morts. A l'âge du bronze, ces traits faiblissent un peu, ceux d'esprits de la nature liés à la fécondité de la terre, à la végétation fructifiante, au contraire, se renforcent. L'auteur ne juge pas possible, sur la foi des statuettes, d'affirmer l'existence, chez les «Anauites» de l'âge du bronze évolué (Namazga V), d'un panthéon de divinités féminines, et elle invoque la situation religieuse dans les Etats mésopotamiens de la période pré-Akkad: à cette époque, les traits des divinités commençaient seulement à se dessiner.